

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ АРХИМАНДРИТА
НИКОЛАЯ ГАВРИЛОВА КОЖУХАРОВА

Я, архимандрит Николай Гаврилов КОЖУХАРОВ, 36 лет, из с.Ресен, Велико-Тырновского р-на, ректор Софийской духовной семинарии, по начатому следствию даю следующие показания:

В прошлом, 1943 году, с 14 по 16 июля, я принял участие в болгарской церковной делегации, посетившей могилы с обнаруженными трупами убитых людей в г.Виннице /Украинская ССР/. Делегация поехала туда по приглашению германской миссии в Софии. В делегации, кроме меня, участвовали еще архимандрит Стефан, тогдашний Протосингел Скопско-Велеской епархии и архим.Иосиф, начальник культурно-просветительного отделения Св.Синода. Я не был среди приглашенных. Однако, я принял участие, так как один из приглашенных не явился. Впрочем, поскольку я мог тогда узнать, первоначально были приглашены высокопреосвященные митрополиты Паисий Врачанский и Кирилл Пловдивский, а также протопресвитер д-р Ст.Цанков. Первые двое отказались от приглашения, так как в это время они должны были участвовать в заседаниях Св. Синода, а третий отказался поехать из-за болезни. Так как согласно нашим церковным правилам ни одно духовное лицо не может выехать за границу без надлежащего благословения и разрешения своего духовного начальства, я, как непосредственно подведомственный Св.Синоду, должен был получить благословение Его Высокопреосвященства, наместника-председателя - Видинского митрополита г.г.Неофита. Он благословил меня и поручил мне изучить там положение церкви и после моего возвращения доложить ему. Я попрощался также с Вра-

чанским митрополитом Паисием, который меня когда-то постриг и рукоположил. Дел Паисий не уговаривал меня остаться и дал свое согласие, сказав, что для устройства моей поездки в Винницу я должен обратиться к г-ну Бирман - чиновнику германской миссии. То же самое мне сказали и отцы - архимандриты Стефан и Иосиф. До того я не был знаком с вышеупомянутым германским чиновником и даже не слышал его фамилии. Я пошел к Бирману в немецкую миссию и выразил свое желание тоже выехать в Винницу. Он сначала не дал мне положительного ответа, так как, как он мне заявил, нужно было проверить, поедут ли приглашенные и, если кто-нибудь откажется, тогда, по его словам, я мог бы поехать. И, так как потом действительно оказалось, что будет свободное место, мне сообщили, что я могу выехать. Из Софии я вылетел самолетом 14 июля и в тот же день вечером прибыл в Берлин. Там я застал отцов Стефана и Иосифа, прибывших накануне. Были там также члены делегации Румынской православной церкви. На следующий день, а может быть, на третий день, - я хорошо не помню, - все церковные делегации вылетели самолетом в Винницу и после обеда к 14 часам прибыли туда. С аэродрома мы направились в местное административное управление /гебит комиссариат/, где после обеда нам сообщили о программе нашего пребывания и о работе, предстоящей нам, а именно: осмотр города, а к 5 час. осмотр массовых могил и присутствие на похоронах около ста вырытых трупов. Могилы находятся за городом, в трех местах - местечко "Долинки", на городском кладбище и в одном саду для народного гулянья.

В м. "Долинки" нам показали, возможно, свыше 100 вырытых, полуразложившихся трупов убитых. Нельзя было узнать, кто были эти люди по национальности и по положению. Один немецкий военный врач об"яснял, как они были убиты - расстреляны, а другой уверял нас, что это были будто бы убитые большевиками мирные украинские жители, как враги народа. Утверждали также, что судя по количеству и размерам массовых могил, а также по количеству похороненных в них, число убитых должно было быть около 10 тыс., согласно мнению одних, и даже больше, по мнению других.

К 6 часам мы присутствовали на похоронах /отпевании/ около 100 трупов, но мы не приняли участие в этом. Отпевание совершил местный епископ вместе с 30-40 священниками и в присутствии нескольких тысяч человек населения из города и его окрестностей. После похорон выступали с речами епископ и немецкий областной комиссар. Оба подчеркнули, что трупы являются жертвами большевиков. На следующий день, между 8 и 11 час., согласно программе, мы должны были осмотреть музей с вещами, найденными во время раскопок могил. По этим вещам, якобы, можно было судить о национальности, вероисповеданий и положений убитых. Я не присутствовал во время посещения этого музея, а умышленно ушел для того, чтобы иметь в это время возможность войти в непосредственный контакт с местным населением и узнать от последнего более достоверные сведения и данные об его религиозности, таким образом, чтобы я мог по возвращении сделать доклад в Св. Синоде /наместнику-председателя/, а также, чтобы я сам мог ясно получить представление относительно поло-

жения вещей. Как на могилах, так и на улицах я роздал множество маленьких икон - дар и благословение из Болгарии. Население с большой радостью принимало эти иконы. Потом, однако, когда я присоединился к другим членам комиссии, оказалось, что мое отсутствие было замечено; гебитс-комиссар дал мне понять, что он не одобряет мою отлучку от всей остальной группы. Очевидно, он не разрешал более свободного контакта с народом, который, хотя и боязливо и скрыто, выражал свое недовольство режимом немецких оккупантов. Между 11 и 12 час. этого же дня мы посетили три церкви в Виннице: Старую "Св. Николай" /за городом/, совершенно сохранившуюся, и обе кафедральные церкви - одна автономистов, а другая - украинцев. Эти церкви, как нас уверяли, раньше служили помещениями для кино-театров и складов. В тот момент, они были открыты и там находилось 20-30 богомольцев, с которыми мы вступили в разговор все с тем же желанием понять, имели ли они религиозную свободу при советской власти и насколько они свободны во время немецкого режима. У нас осталось впечатление, что несколько лет до немецкой оккупации местное население начало пользоваться религиозной свободой. Последней /но лишь последней, а не политической/ украинцы пользовались и во время немецкого режима.

Между 12 и 12-30, точно не могу вспомнить, не было ли это между 12 и 13, или было это в другое время, разрешили дискуссию относительно того, что мы увидели на кладбище. С нашей стороны в обсуждениях принял участие больше всего отец Стефан. Все сводилось к тому, кто, когда и для чего совершил эти злодейские убийства. Хотели получить убедительные доказательства о том, что авторами этих убийств являются именно

русские, и подвергали критике эти же данные. Однако, кроме некоторых напечатанных на ротаторе протоколов, составленных при следствии, других данных нам не представили. Достоверность этих протоколов для нас была не совсем убедительна. Все-таки под влиянием грозной картины кладбища, ужасного запаха разложившихся трупов, участия народа и местного духовенства в похоронах трупов, участия, которое не имело вида инсценировки, а также, наконец, под влиянием объяснений, которые нам дали на месте, составилось тогда, по крайней мере, у меня, да думаю и у моих коллег, убеждение, что массовые убийства в Виннице могли быть делом большевиков. При осуществлении режима, подобного режиму в СССР, являющегося радикальным, возможна и реакция, могли быть и жертвы. Не констатируем ли мы сегодня подобное явление и у нас во время бывших режимов? Тем более вероятно, что это может случиться и в России, в которой наверное реакция со стороны приверженцев /остатков/ старого режима едва ли была слаба. Это мое убеждение тогда мы выразили перед радио в Берлине. Для этого я был приглашен сначала одним Найденом Памукчиевым, который сам нашел меня. Мы вместе с ним пошли в студию берлинского радио. Памукчиев предварительно подготовил написанные им вопросы, на которые я должен был дать ответы. Эти вопросы, насколько я могу сейчас вспомнить, были следующие: 1. По какому случаю я нахожусь в Германии; 2. Что я видел в Виннице у массовых могил; 3. Каково религиозно-нравственное и экономическое положение в Виннице; 4. Каково мое впечатление от Берлина к четвертому году войны. Некоторые из вопросов, особенно последних, были так составлены, что в них содержались и ответы. Например; "Каково ваше впечатление от Берлина? - Замечаете ли бодрый дух у немцев и является ли это гарантией победы?"

Я на эти вопросы ответил следующим образом /передаю теперь по памяти/: 1. Я прибыл в Германию как участник делегации духовных лиц, приглашенной германской миссией в Софии посетить массовые могилы в Виннице. 2. В Виннице я увидел ужасную картину - трупы тысяч убитых украинцев, жертв большевизма. Убитые были с завязанными руками назад, в полуразложившемся состоянии. 3. Население в Виннице напугано ужасами войны, бедно; церкви открыты для богомольцев. В них однако можно видеть преимущественно взрослых людей. 4. Мое впечатление от Берлина - что все здесь мобилизовано; дисциплина крепкая и дух бодрый. Все верят в победу.

Эти мои ответы были записаны на грамофонные пластинки для того, чтобы передать их потом по радио "Донау". Так как запись не была удачной, пришлось второй раз записать. Пластинка первой неудачной записи, вместо того, чтобы быть уничтоженной, по моему желанию была передана мне в собственность. Впоследствии я узнал, что это запись также по некоторым техническим причинам не была передана по радио "Донау". Об этом мне сказали некоторые мои близкие, знакомые, которые слушали радио "Донау". На самом деле, однако, по радио были переданы записи, сделанные позже, через 2-3 часа, когда были записаны впечатления и других моих коллег. Здесь, когда производили эти записи, мы трое договорились разделить свои впечатления, чтобы не повторяться. Я согласился сказать мои впечатления о религиозной жизни в Виннице, отец Стефан, насколько я могу вспомнить, - свои впечатления о самих могилах, а отец Иосиф - общее впечатление о городе и населении. Эти именно пластинки впоследствии были переданы по радио "Донау". Пластинку, которую я взял с собой, лишь один раз я завел на патефоне, но

из-за отсутствия подходящей иглы, передача была плохая. Лишь одна моя мать услышала это выступление на патефоне и она очень взволновалась и сказала мне: "Сын мой, зачем ты поехал в Россию, и для чего нужно было тебе говорить эти вещи? Выброси эту пластинку, потому что ты можешь пострадать тяжело из-за нее!" После этого я изрезал пластинку на куски /пластинка была мягкой, из целлофана/ и сжег ее. Наше посещение втроем берлинского радио было, если не ошибаюсь, опять по приглашению Н.Памукчиева.

Спустя день-два после нашего возвращения из Винницы, нас пригласили на обед в отель "Адлон". Обед был устроен мэром города. На обеде присутствовали также члены другой болгарской делегации, во главе с проф. Станишевым и несколько еще других болгар, членов болгаро-немецкого общества в Софии. Среди них я знал лишь Б.Коцева, директора "Национальной пропаганды". На обед опоздали отцы Стефан и Иосиф, поэтому им дали сесть в конце стола. После приветствия мэра, выступил проф. Станишев, который подчеркнул большие хозяйственные и культурные связи между Болгарией и Германией, братство по оружию между двумя народами и еще большие укрепления этих связей. От имени церковной делегации выступил я. Своими несколькими словами я подчеркнул то, что мы видели в Виннице, о чем я уже говорил выше и я действительно признал, что мы сами видели то, что совершили большевики.

На другой день мы поехали обратно в Болгарию поездом. До Будапешта мы трое ехали вместе. После Будапешта я поехал дальше, а коллеги остались в венгерской столице на несколько дней. Поездка до Винницы и обратно так же, как и питание были бесплатными. От немцев денег мы не получали. Тратили свои.

Своими впечатлениями о поездке в Винницу я сначала поделился с Его Высокопреосвященством Наместником-Председателем Св.Синода. Я выступал и перед учениками, отдыхающими в Рыльском монастыре. В болгарской печати, однако, я ничего не печатал.

Почему я пожелал принять участие в болгарской церковной делегации, посетившей Винницу? Единственная моя цель этого посещения была: вступить в контакт с местным украинским населением и узнать от него о религиозном состоянии его и о положении православной церкви там. Наша и чужая противобольшевистская пропаганда представляли положение церкви в России как очень тяжелое - церкви там /по этой пропаганде/ были разрушены и закрывались, а верующие преследовались и убивались. Поездка в Россию до войны и во время войны не разрешалась. После того, как Украина была оккупирована немцами Св.Синод несколько раз пытался получить разрешение послать наших духовных лиц в оккупированную Россию для того, чтобы отвезти туда наши богослужебные книги, одежду и утварь, а также вступить в контакт с тамошней церковью. Эти попытки Св.Синод, насколько я знаю, делал перед немецкими властями и перед Красным Крестом. Эти ходатайства остались безрезультатными. И вот поэтому когда после приглашения немецкой миссии посетить Винницу представилась возможность войти в контакт с тамошними христианами и представителями церкви, я выразил желание воспользоваться этой возможностью. К большому, однако, сожалению за эту поездку мы должны были заплатить очень дорого. Наше посещение, которое должно было иметь чисто церковный характер, было использовано немцами для политических целей. Мы стали орудием их про

паганды! Мы особенно сильно почувствовали это, когда вернулись в Болгарию, и мы выразили глубокое сожаление о нашей поездке в Винницу и о выступлении по радио "Донау". Все-таки мы нашли успокоение в том, что повсюду мы подчеркивали прежде всего и больше церковную сторону нашего посещения, чем политическую. И поэтому, как я подчеркнул выше, вопреки неодобрению со стороны немецких властей в Виннице, мы использовали все возможные способы и средства, чтобы вступить в контакт с тамошними христианами и узнать от них об их церковном и религиозном состоянии. Вот все относительно моего посещения Винницы.

- " - " -

Что касается посещения немецкого военного кладбища около села Банке, сделанного нами, учителями и учениками духовной семинарии, то я могу сказать следующее: это посещение было в начале 1941 учебного года. В начале каждого учебного года ученики семинарии устраивают традиционную экскурсию в близкие окрестности Софии - деревни Драгалевцы, Бояна, Княжево и пр. Так как в то время военное немецкое кладбище в Банке посетили воспитанники Военного училища, Школы офицеров запаса и школьницы-санитарки общества "Красного Креста", учительский совет духовной семинарии выразил единодушное пожелание, чтобы в этом году была устроена традиционная экскурсия в Банке и было посещение тамошнее немецкое кладбище. На кладбище выступал я, а также один ученик. Семинарский хор исполнил несколько песен и были возложены венки. Когда мы вернулись в Софию, меня вызвали в Св. Синод и там Наместник-Председатель потребовал объяснения от меня о происшедшем, говоря, что мы

не должны были ехать в Банке. Такое же неодобрение выразил также Софийский митрополит г.г.Стефан. На этом вопрос был исчерпан.

В прошлом году по приглашению Софийского университета в гости в Софию приехал проф. Иенского университета П. Петерсен. Так как несколько учителей духовной семинарии являются его воспитанниками, последние попросили меня пригласить упомянутого профессора прийти в гости в семинарию. Вместе с профессором пришли и некоторые наши ученые - г. Ботю Шанов, немецкий протестантский пастор Хеберле, Пловдивский митрополит г.г. Кирилл и наши учителя, воспитанники профессора. Профессор выступал перед нашими учениками на тему: "Основы воспитания в учении Лютера с точки зрения современного учения об общности в Германии". /Тему формулирую по памяти/.

С немецким пастором Хеберле я знаком около 2-3 лет. Я был один-два раза в его доме и он приходил в прошлом году на мои именины в семинарию и в тот же день он присутствовал на выступлении учащихся на немецком языке. Других связей с этим человеком я не имел.

Пастор Хеберле знаком с Пловдивским митрополитом Кириллом. Не знаю, однако, имел ли он какие-либо отношения с последним.

Относительно жизни Врачанского митрополита г.г. Паисия я знаю лишь следующее: я слышал, что он был в близких отношениях с супругой художника Ильи Цефева, а также с супругой начальника хозяйственного отдела Св. Синода Камена Димова. Не знаю, однако, участвовал ли он в каких-либо сделках с этим же Каменом Димовым и с Мафеем Поповым, директором си-

нодального книгоиздательства. Митрополит Паисий учился в Мюнхене и как немецкий воспитанник, естественно, поддерживал связи с некоторыми немецкими учеными, а также с немецким полномочным министром Бекерле. В чем выражаются эти связи и знакомство, мне неизвестно. Митрополит Паисий построил два апартаamenta для своего брата и своей сестры. Эти апартааменты находятся на улице "Бельчев" 10. Больше об его материальном состоянии я не знаю.

Относительно моей моральной жизни я могу сказать следующее: я не святой и не праведник, а грешник и недостойный служитель церкви. Я стал монахом, когда мне было 20 лет - 25. У 1928 г. еще на годовом акте при окончании семинарии. Мои побуждения к этому - Бог мне свидетель, что я не лгу - были самые чистые. Пусть будет известно, что я еще в 10-летнем возрасте поступил в качестве послушника в Преображенский монастырь около Тырнова - самый строгий монастырь в Болгарии. Когда я принял монашеский сан, я думал, что смогу выдержать борьбу со всеми искушениями, присущими монаху. Долго я боролся с искушениями и мне кажется, что никто не мог бы сказать чего-нибудь против меня. Там дело шло до 1936-1937 г.г. К этому времени я начал чувствовать, что мои силы в борьбе с искушениями начали ^{ослабевать} вместо того, чтобы укрепиться больше. Я впал в большой нравственный кризис. Был близок к мысли бросить рясу и жениться. Перед тем, как это сделать, я решил посоветоваться с двумя старыми нашими духовными лицами и исповедовать им свои мучения. Один из них посоветовал мне удвоить усилия воли, уверяя меня, что кризис связан с самим возрастом /возраст, когда жизненные силы в самом большом напряжении/ и что кризис пройдет вместе с самим возрастом.

Другой, однако, /он сейчас покойник/ посоветовал мне найти выход из этого положения и познакомиться с какой-нибудь хорошей и почтенной женщиной, которая не оскандалит меня. Сам он даже помог мне в этом, познакомив меня с госпожой Иорданкой Градинаровой, вдовой, около 45 лет. Первое посещение мы сделали с указанным стариком. Эта госпожа, хотя и не была красивой, произвела на меня хорошее впечатление своей добротой, скромностью и религиозностью. При втором посещении, которое я сделал один, не без некоторого стеснения, я открыл ей мои чувства и намерения. Она встретила их с еще большим смущением и тревогой. Для того, чтобы выйти нам обоим из этого стесненного положения, в которое мы попали, я нашел лучшим уйти. Через несколько дней, однако, мы опять встретились и преодолели стеснение. Тогда я еще был на службе в г. Враце. Когда я приезжал в Софию, я посещал эту госпожу. А когда меня перевели на службу в Софию в 1939 г., я посещал ее один-два раза в месяц. За это я ей ничего не платил, так как она сама не нуждалась в этом содержании. Она получала, хотя и скромную пенсию и квартплату за две сдаваемых ею комнат, а жила она совершенно скромно. Я делал ей лишь несколько подарков - фрукты, кофе, материал на платье и однажды ко дню ее именин я подарил ей пару обуви. Она также делала мне подарки к моим именинам - джемпер, носки и др. Я нахожу даже, что подарки, которые она мне делала, больше и более ценные, чем те, которые я ей делал. Других отношений с женщинами я не имел.

К концу моих показаний считаю необходимым заявить следующее:

Искренне и глубоко сожалею и раскаиваюсь в том, что принял участие в посещении Винницы и выступал по радио "До-

нау". Таков был тогда общий курс событий у нас и многие в своем увлечении провинились, кто больше, кто меньше. Имея в виду, однако, что мои деяния не имели грубого характера - я не совершал никаких насилий и убийств - а также и обстоятельства подлинных побуждений моего посещения Винницы, я, раскаиваясь о сделанном, прошу уважаемые следственные власти, обвинителя перед народным судом и народный суд о снисхождении и прощении.

Относительно же моих деяний личного и нравственного характера, я нахожу, что никому я не был в соблазн. Правда, мой грех большой. Наказанием за это будет голос моей совести и справедливый божий суд.

Остаюсь, впрочем, с надеждой и верой в снисходительный приговор народного суда. Заявляю, что я достойно оценю и оправдаю его.

София, 16 октября 1944 г. Собственноручно написал и подписался Архимандрит Николай.

Верно с оригинала:

Председатель третьего Верховного состава Народного суда - София.

Подпись: /Борис Лозанов/

Министерство юстиции удостоверяет, что вышеставленная подпись Главного прокурора Верховного Кассационного суда Бориса Лозанова - председателя третьего Верховного состава Народного суда - София, является его собственноручной.

София, 21 марта 1946 года.

Начальник гражданского отделения: /Б. Добрев/

/Печать/

Министерство Иностранных Дел и Вероисповедания удостоверяет подлинность вышеположенных подписи и печати Министер-

ства Юстиции.

София, 21.III 1946 г.

Секретарь Консульского отдела: (подпись неразборчива)

Драгоман-кассир: (подпись неразборчива)

(Печать)

Настоящий документ легализован в Консульском Отделе Миссии Союза ССР, Болгария, София, 21 марта 1946 г.

Заведующий Консульским Отделом Миссии Союза ССР:
(подпись неразборчива)

(Печать)

Настоящая папка содержит 14 (четырнадцать листов)

Начальник Уголовного Отделения Министерства Юстиции

(Ст.Станев)

(Печать)

Перевел -

Сергеев

(Сергеев А.П.)